

УДК 398.4

З. Г. Аминев

Институт стратегических исследований Республики Башкортостан, Уфа (Россия)

ШУРАЛЕ — ПЕРСОНАЖ БАШКИРСКОЙ ДЕМОНОЛОГИИ

Статья посвящена анализу исторических корней происхождения одного из распространенных персонажей башкирской демонологии — шурале. С критических позиций рассматривается точка зрения исследователей из Татарстана на проблему происхождения данного демонологического персонажа. Схожие с шурале персонажи имеются у чувашей, удмуртов, казахов. В качестве методики исследования использованы типологический сравнительный, интеграционный подходы. Привлечение широкого круга фольклорных и этнографических материалов позволило автору доказать, что представление об этом мифологическом персонаже распространено по всему ареалу проживания башкир. Шурале известен также у народов Памира и соседнего с ним Гиндикуша в Афганистане и Пакистане. Автор соотносит происхождение этого образа с индоиранскими субстратными корнями в традиционной башкирской культуре. Этногонические легенды и предания свойственны только народам, сохранившим архаическую культуру своих предков. Делается вывод, что в башкирских материалах про шурале отражаются этногонические воззрения предков башкир, сформировавшихся как этнос в период господства в их общественном сознании мифологического мышления.

Ключевые слова: предания о шурале, топонимия, тотемические мифы, субстратное явление, мифологическое мышление, мифы этногонические.

Z. G. Aminev

Institute for Strategic Research of the Republic of Bashkortostan, Ufa (Russia)

SHURALE — CHARACTER OF BASHKIR DEMONOLOGY

The article is devoted to analysis of historical roots of origin one of spread character Bashkir demonology — shurale. In the article from critical positions the point of view of researchers from Tatarstan on a problem of origin this demonological character is considered. Chuvash, Udmurts, Kazakhs have similar characters to Shurale. As a research methodology, a typological comparative, integration approach was used. Attracting a wide range of folklore and ethnographic materials made it possible for author to prove that idea about this mythological character spread around whole Bashkir range. Besides the Tatars and Bashkirs, Shurale is also known among the peoples of the Pamirs and the neighboring Gindikush in Afghanistan and

Pakistan. The author correlates the origin image of the shurale with Indo-Iranian substrate roots in traditional Bashkir culture. Ethnogenic legends and traditions are peculiar only to the peoples who have preserved the archaic culture of their ancestors.

Key words: the legend of the shurale, toponymy, totemic myths, substrate phenomenon, mythological thinking, ethnogenic myths.

DOI: 10.14258/nreur(2018)4-08

Аминев Закирьян Галимьянович, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института стратегических исследований Республики Башкортостан, Уфа (Россия). Адрес для контактов: zakirjan_g@mail.ru

Несмотря на то, что башкиры более тысячи лет назад приняли ислам и являются народом, принадлежащим к мусульманской культуре они, сумели сохранить многое из доисламской культуры (мифология, религиозные верования и т. п.). Среди этих доисламских элементов башкирской культуры одним из самых живучих, распространенных оказалось представление о таком мифологическом персонаже, как *шурале*.

Изучение опубликованных и архивных материалов, а также наши собственные этнографические, фольклорные материалы показывают, что различные предания, легенды о *шурале* распространены среди башкир, кроме самой Республики Башкортостан, по всему ареалу проживания этого народа — Саратовской, Самарской областях в Поволжье, Пермском крае и Свердловской, Челябинской, Курганской и Оренбургской областях на Урале, т. е. эти легенды, предания являются как бы маркерами, обозначающими территорию Исторического Башкортостана.

Мифологический персонаж, называемый так же точно, как и у башкир — *шурале*, имеется и у казанских татар. Великий татарский поэт Г. Тукай на основе услышанных в детстве преданий о *шурале* написал одноименную поэму, которая в годы советской власти была переведена на языки многих народов СССР, благодаря чему этот демонологический персонаж башкирской и татарской мифологии стал очень популярным и известным далеко за пределами Урало-Поволжья.

О похожем на башкирского *шурале* мифологическом персонаже *арсури* сохранилось много различных преданий у чувашей [Денисов, 1959: 40–43]. Лесной народ — удмурты свои леса также населил схожим мифологическим персонажем, которого они называют *палэсмурт* [Владыкина, Панина, 2015: 59–67]. Персонаж *сорель*, *шурали*, похожий на *шурале*, имеется также у казахов [Ахметьянов, 1978; 1981].

Исследователь из Татарстана Р.Г. Ахметьянов слово *шурале* возводит к чувашскому «половинник». Наличие *шурали* у казахов и *шурале* у башкир этот автор, не приводя каких-либо аргументов, объясняет, как заимствование у татар [Ахметьянов, 1978: 11–12; 1981: 48–50]. Р.Г. Ахметьянов не объясняет, каким же образом этот персонаж стал персонажем татарской культуры.

Другой исследователь из Казани, С.С. Шамси, не согласен с мнением Р.Г. Ахметьянова о том, что *шурале* получил свое развитие от «половинника» (*ярымтык*). По суще-

ству это один и тот же персонаж, только имеющий разные названия. Несмотря на некоторые разногласия с Р.Г. Ахметьяновым по поводу различий между *шурале* и *ярымтык*, С.С. Шамси в целом солидарен с ним и считает, что *шурале* — персонаж исконно татарский, возникший на базе сармато-аланских предков булгар, от которых впоследствии перешедший к татарам Поволжья. С.С. Шамси пишет, что этот мифологический персонаж имеет самое большое распространение в Татарстане, т.е. в землях древнего Булгарского государства, а это, как считает указанный автор, является показателем того, что *шурале* является образом, созданным древними булгарами — предками татарского народа.

Наличие же этого же персонажа у других поволжских народов (мари, чуваш, башкиры) С.С. Шамси склонен объяснить заимствованием от булгар-татар. Доказательством этого, по его мнению, являются следующие данные:

- 1) *шурале* — хозяин-владыка (*эйэ*) леса, а *ярымтык* — дух степной;
- 2) *шурале* имеет наибольшую распространенность у татар и пронизывает все сферы их духовной культуры;
- 3) татары не знают, кто такой *ярымтык*, если же знают, то только те, которые живут смешанно с башкирами или за пределами Татарстана;
- 4) *шурале* имеет один и не меняющийся облик, даже если заимствован другими народами (мари, чуваш, башкиры);
- 5) *шурале* — не уродец, у него в отличие от *ярымтыка* целы все конечности;
- 6) *шурале* встречается только у народов Среднего Поволжья, которые когда-то проживали в пределах бывшего Булгарского государства или же ощутили мощное влияние этого государства [Шамси, 1984: 142–153].

Видимо, Р.Г. Ахметьянову и С.С. Шамси неизвестны башкирские материалы о *шурале*. Если бы они были хоть немного знакомы с материалами об этом персонаже, то не стали бы делать таких поспешных и поверхностных выводов о заимствовании башкирами у татар представлений о *шурале*. Многочисленные сведения об этом персонаже башкирской мифологии можно обнаружить в публикациях как дореволюционного, так и советского периодов, в частности в работах С.И. Руденко [1955; 1973], Ф.А. Надршиной [1986: 32, 37–38], Ф.Г. Хисаметдиновой, З.Я. Шариповой [1987: 47], Р.Н. Сулеймановой [2005: 60–64], А.В. Нуриевой [2005], а также в различных книгах по краеведению, вышедших в областных изданиях Урала [Золотая, 1994: 143; Шестаков, Петровых, 1968: 135].

Автору этих строк также довелось записать многочисленные башкирские предания, легенды о *шурале*, о связи некоторых родовых подразделений башкир с этим персонажем. В ходе этнографической экспедиции 1986 г. по Баймакскому району Башкортостана нам довелось познакомиться с Магирой Халитовой (1910 г. рождения), уроженкой и жительницей башкирского аула Файзулла. Башкирка рода бурзян, М. Халитова обладала прекрасной памятью и помнила очень много различных преданий, легенд, поверий, услышанных ею еще в детстве от своей матери. Также прекрасно знала она и всю топонимию округи. Она рассказала, что еще до Великой Отечественной войны во время сенокоса ей несколько раз довелось видеть *шурале*. По ее словам, она одна косила сено на лугу у реки Шурале и вдруг почувствовала, что кто-то смотрит на нее. Обернувшись, она увидела в нескольких метрах от себя *шурале*. Был он очень высоким, волосатым и некрасивым, с длинными руками. На мой уточняющий вопрос «Имелись у *шурале* рога?», она отве-

тила, что рогов у него не было. С ее слов, она очень испугалась, но виду не подала, а стала медленно, с косой в руке пятиться к речке. Подойдя к берегу речки, быстро перешла на другой берег. Шурале подошел к речке, но не пошел вслед за ней на другую сторону, так как боится воды. Не смея перейти через речку, он спросил о том, как и ему перейти на другой берег. Она объяснила, что надо идти вниз по течению. После этого шурале ушел. Информант пояснила, что надо непременно указать на нижнюю сторону течения, если сказать вверх, то он может дойти до начала реки и перейти на другую сторону. Если же шурале пойдет вниз, то не сможет перейти на другой берег реки.

Многочисленные предания, легенды о различных мифологических персонажах, в том числе и о шурале, были записаны нами в 1986 г. у уроженца и жителя этого же аула Х. Г. Батыршина (1907 г. рождения). По его словам, шурале в горах еще остались, но их уже не так много, и они помельче ростом. Они изредка встречаются людям, заходят и в их пустующую деревню. При встрече с ними не нужно показывать свой страх, надо или перейти через речку, или же читать что-нибудь из священной книги Коран, так как шурале боятся сур и аятов Корана и сразу уходят. Во всем остальном рассказ Х. Г. Батыршина о шурале аналогичен сведениям Магиры Халитовой.

Рассказы про шурале нами были записаны в 1975 г. от уроженца аула Идельбай того же Баймакского района С. Ф. Саиткулова (1905 г. рождения). По его рассказам, шурале живут семьями в глухих лесах и горах. Они выходят к одиноким путникам и затевают с ними игры в щекотки. Это их любимое занятие. Смеются сами, заставляют смеяться до смерти людей. У шурале с левой стороны в подмышке имеется дыра. Если человек сумеет сунуть туда руку и схватить за сердце, то таким образом можно убить шурале. Если в лесу вдруг встретится шурале, то бояться его не надо. Он не должен чувствовать страх человека, поэтому надо вести с ним разговор, постараться обмануть его. Они очень глупые. Если шурале вдруг вздумает спросить у человека имя, то нужно назваться «Былыр» / «Прошрое», а место жительства указать в низовьях рек. Этот же рассказчик на мой вопрос: «Почему люди соседний аул Файзуллу называют Шурале?» дал пояснение, что жители этого аула произошли от женитьбы башкирского джигита на девушке-шурале, что подтвердила впоследствии другой наш информант М. Халитова.

Житель города Баймак В. Б. Буранбаев — известный краевед, знаток прошлого башкирского народа рассказал автору этих строк несколько топонимических легенд о шурале. Все эти легенды связаны с лесными и болотистыми местами Баймакского района республики. Попутно необходимо указать, что местность в этом районе в основном гористая — по району тянется хребет Ирендык — один из восточных отрогов Уральских гор. По рассказам М. Халитовой, до Великой Отечественной войны Ирендыкские горы были сплошь покрыты дремучим лесом, поэтому для всяких сверхъестественных существ, подобных *шурале*, там было раздолье. Лес нещадно вырубали в годы войны для Баймакского медеплавильного завода, и сейчас лес на склонах гор он поредел. Именно этим, по мнению информанта М. Халитовой, и объясняется уход шурале из этих мест.

Прекрасную книгу, посвященную топонимии Зианчуринского района, где проживают потомки башкир рода усерган, опубликовал краевед Марат Тулебаев, который в этом южном горно-лесном районе зафиксировал несколько топонимов «Шурале» и связанные с ними легенды об обитавших там когда-то мифических существах [Тулебаев, 2005: 79, 107, 127, 159–161].

Очень интересные материалы про шурале записаны среди башкир Курганской области башкирским этнографом Зарей Миннибаевой, которая поделилась ими с автором этих строк и разрешила их использовать. По ее записям, шурале живут семьями в лесах и обычно в вечернее время караулят одиноких путников и предлагают им играть в щекотки. Если человек соглашается, то его могут защекотать до смерти. Шурале бывают как мужчинами, так и женщинами. У них медные когти и очень длинные руки.

Представления о шурале нами были зафиксированы во время фольклорно-этнографической экспедиции также у башкир, проживающих в Хайбуллинском районе Башкортостана. Здесь в болотистом лесу возле башкирского аула Валит якобы раньше было много шурале, из-за чего местность эта и получила название «*шурале һазлыгы*» / болото, где водятся шурале. В этом же районе мы зафиксировали несколько топонимов, связанных с шурале. В то же время в этом районе не имеют представления о *ярымтык* / «половинниках». Надо отметить, что в местах, где практически нет татарского населения, в башкирском Зауралье, где более 80% населения башкиры — потомки древних башкирских племен бурзян, кубеляк-теляу, куакан, тунгаур, тамьян, усерган и кипчак, не знают о половинниках (*ярымтык*). Там везде распространены представления о *шурале*. В юго-восточной части Республики Башкортостан зафиксированы многочисленные топонимы *Шуралетау* / гора шурале, *Озон шурале* / длинные шурале, *кыска шүрәле* / короткие шурале, *шурәле урманы* / лес, где водятся шурале и т. д. [Ласынова, 2004: 8, 16, 22].

Много информации о наличии у башкир представлений о шурале было выявлено нами из краеведческих статей, опубликованных в башкирских газетах и журналах. Так, в частности, в газете «Йәшлек» Ильдар Исламов пишет, что, по словам его бабушки, в Абзелиловском районе, в урочище Балтабай у реки Кизил раньше было много шурале, которыми пугали детей [Исламов, 2002]. В газете «Киске Өфө» Загир Давлетбердин пишет, что в Бурзянском районе Башкортостана к речке Майгаште спускается долина Шурале. По рассказам стариков, в пещере, находящейся в этой долине, жили шурале, от которых долина и получила свое название [Давлетбердин, 2006]. Село Шурале зафиксировано в бассейне реки Буй в Бардымском районе Пермской области, в местах проживания башкир-гайнинцев, а также недалеко от них в северо-западном Янаульском районе Башкортостана, где проживают башкиры рода уран [Калимуллин, 1978: 69]. Топоним Шурале и связанное с ним предание зафиксированы и на земле башкир рода балыксы в Аскинском районе Башкортостана [Миннигалеев, 1998: 24].

Шурале известен ученым в краях, совершенно далеких от мест проживания башкир и татар — в высокогорном Памире и соседнем с ним Гиндукуше, у малочисленных индоиранских народов, в частности дардов. Описанный немецким исследователем Карлом Йеттмаром в книге «Религии Гиндукуша» мифологический персонаж имеет тот же облик, совершает те же действия, даже те же глупости, что и урало-поволжский шурале: сует палец в щель в стволе дерева и, когда вытаскивают клин-распорку, то пальцы его остаются зажатыми в щели дерева. В этой работе К. Йеттмара есть упоминание об аналогичном башкирско-татарскому *шурале* мифологическом персонаже *шурала* [Йеттмар, 1986: 20, 79, 234–255, 263, 367].

Основываясь на приведенных выше материалах, можно уверенно говорить, что башкирам *шурале* был известен издревле. Это герой древнего субстратного мифа, доставшегося им в наследство от древних индоиранских племен, когда-то населявших Южный

Урал и прилегающие к нему земли. Изучение, анализ самих татарских легенд, преданий о *шурале*, опубликованных татарскими исследователями, показывают, что все они выявлены, зафиксированы или на юго-востоке Республики Татарстан, или же на территории Исторического Башкортостана [Татарское..., 1987: 269–270; 272–276].

Юго-восточные районы Татарстана, где зафиксированы предания о *шурале*, населены древними башкирскими родами (сарайлы-мин, гирей, йылан, кыргыз и др.) и издревле считались башкирскими землями, которые в 1920 г. советским правительством были включены в состав вновь образованной Татарской АССР. Переподчинение башкирского населения этих районов другой административной единице в виде Татарской АССР автоматически не может сделать их татарами, хотя их всех и переписали в татары. В памяти населения этих районов современной Республики Татарстан сохраняется их башкирское происхождение. Так, летом 1946 г. юго-восточные лесостепные районы Татарской АССР впервые за годы советской власти были охвачены этнографическими исследованиями. При этом маршрут экспедиции проходил за пределами древнего расселения казанских татар, по землям, издревле населенным башкирами, что подтвердили материалы экспедиции. Более того, члены экспедиции установили, что и русское, татарское, чувашское, марийское, удмуртское население этого региона подтверждало, что местным, коренным населением здесь являются башкиры [Воробьев, 1947: 208, 209]. При таком положении дел те легенды, предания о *шурале*, записанные в пределах юго-восточных районов Татарстана, вряд ли можно считать исконно татарскими, если распространение их имеет такой узколокальный характер, совпадающий с ареалом проживавших там башкир.

Другой особенностью башкирских материалов о *шурале* является то, что их содержанием является миф; если быть точнее, то это — мифы этногонические, тотемические, когда земной человек женится на существе нечеловеческого, демонического происхождения. Этого момента нет ни в одном из татарских преданий, легенд. Ведь, как известно, миф — это рассказ о создании того или иного предмета, явления кем-то и каким-то образом, т. е. здесь речь должна идти о создании, возникновении. По мнению исследователей мифов, как явление культуры «миф — это священное сказание о том, как мир и человечество обрели нынешний вид» [Дандес, 2003: 114]. Миф всегда этиологичен, он объясняет, что откуда пошло, это «всегда рассказ о каком-то «сотворении» [Элиаде, 1994: 63].

Именно этому общепризнанному требованию соответствует башкирский материал о *шурале*, т. е. он этиологичен, в нем отражаются этногонические воззрения предков башкир, которые как этнос сформировались очень рано, в период господства мифологического мышления, когда все происходящее вокруг объяснялось через мифы. Это очень существенная, значимая деталь при анализе преданий о *шурале* и показатель древности этих преданий у башкир, так как этногонические легенды свойственны только народам, сохранившим архаическую культуру своих предков.

У поволжских татар нет этногонических мифов, так как они начали формироваться на территории Казанского ханства очень поздно, после распада Золотой Орды, из осколков различных этносов, населявших это государственное образование и говоривших в основном на тюркских языках кипчакского типа, когда уже времена объяснения мира посредством мифов давно прошли. В это время на данной территории господство-

вал монотеизм в виде ислама, который объяснял мир и все в нем сущее творением Аллаха, не оставляя места для объяснения окружавших человека явлений мира мифами.

Мы в своей работе не ставили целью выяснение этимологического значения слова *шурале*. Наша задача — показ материалов, подтверждающих наличие этого персонажа у башкир изначально, без заимствования у татар, и анализ их этногенетического содержания. Первые сведения о наличии у башкир мифологического персонажа, называемого «*шурале*», зафиксировали еще дореволюционные исследователи. Задолго до Г. Тукая, в 1732 г. упоминает о *шурале* в своих путевых заметках И. Гмелин, который ездил на Урал с экспедиционной поездкой проверять строящиеся на башкирских землях металлургические заводы. В ходе этой поездки Гмелин в своих путевых заметках отмечает, что посетил Шуралинский завод, находящийся у подножия горы Шурале, на берегу речки Шурале [Гмелин, 2012]. Завод был построен на землях башкир рода упей недалеко от нынешнего Нижнего Тагила.

Другой пример ранней фиксации сведений о *шурале* относится к концу XVIII в. Речь идет о башкирском ауле Файзулла в нынешнем Баймакском районе РБ. Второе, народное название этого аула Шурале. Эта деревня расположена на берегу маленькой горной речушки Шурале, впадающей в реку Ургаза — приток реки Урал (Яйык). Деревня была довольно большой — более ста дворов. В начале 60-х гг. XX в. власти эту деревню по каким-то причинам отнесли к разряду бесперспективных, и она была практически уничтожена. Сейчас в этой деревне остались три пустующих дома. Таким образом, фиксацию демонологического персонажа *шурале* в качестве топонима можно отнести к XVIII в.

Со слов нашего информанта М. Халитовой, второе народное название аула Файзулла — Шурале произошло из-за того, что первым на этом месте поселился парень, женившийся на девушке-шурале. Ирендыкские горы, где располагается аул Файзулла, в то время были покрыты густым лесом, и речка не имела названия. В этих местах пас своих коней один джигит из рода бурзян. Однажды самый лучший конь джигита к утру оказался весь взмыленный. Джигит очень удивился. На второй день это повторилось опять, и так продолжалось несколько дней. Джигит решил выяснить причину и обмазал спину коня дегтем. Когда утром пришел к тауну своих коней, то увидел, что к спине его любимого коня прилипла девушка-шурале. Он снял ее с коня, схватил за волосы и стал хлестать камчой, чтобы раз и навсегда проучить ее. Девушка-шурале стала плакать и умоляла не бить ее, говорила, что готова стать его женой. После этого она превратилась в прекрасную девушку. Джигиту она понравилась, и он женился на ней. Поселились они у той безымянной речки, где он поймал эту девушку-шурале. После этого и речка, и деревня стали называться Шурале. Жена родила джигиту много сыновей, и от них пошел этот род. Потом в честь одного из их сыновей деревню стали называть Файзулла.

Несколько иную легенду, тоже связанную с *шурале*, нам довелось записать в 2002 г. в городе Баймак Республики Башкортостан у М. С. Буранбаевой (1929 г. рождения, башкирки рода бурзян). Согласно этой легенде жил в горах Ирендыка молодой парень по имени Турмен. Любил он охотиться в горах один. Однажды зимой он пошел на охоту и увидел оленя. Только он прицелился, но тут олень упал, подстреленный кем-то другим. Турмен знал, что никто быстрее и лучше его не стреляет в этих горах, поэтому он, очень удивленный и уязвленный таким событием, быстро заскользил на лыжах к ме-

сту, где упал олень. Там Турмен увидел какое-то существо огромного роста, похожее на человека, но волосатое и длиннорукое. Это был шурале, который свеживывал оленя, подвешенного на дерево. Турмэн его поприветствовал, шурале от неожиданности очень испугался, поэтому сразу же отдал Турмэну половину туши оленя. Они разговорились. Пока развели костер, готовили еду, разговаривали, наступил вечер, поэтому решили переночевать здесь же. Перед сном шурале спросил у Турмэна, как он спит. Турмэн ответил, что он во сне издает звуки: «тыш-пыш».

Когда шурале уснул, Турмэн принес из леса гнилушку и накрыл ее своим тулупом. Сам же отошел подальше и стал наблюдать, что же будет дальше. Шурале проснулся и тут же подошел к тому месту, куда Турмэн под свой тулуп положил гнилушку, и стал железным прутом протыкать гнилушку и при этом приговаривал: «Дышит Турмэн тыш-пыш, а железака пышет пыш-пыш». Турмэн, увидев все это, пустил в шурале стрелу из лука. Тот, раненный убежал в лес. Турмэн пошел вслед за ним и увидел, что след ведет к пещере. Когда он зашел внутрь, то увидел там трех красивых девушек и их мать. Турмэн спросил у них, где хозяин, те ответили, что он захворал и лежит в другой части пещеры. Турмэн сказал, что умеет лечить больных. Тогда жена шурале говорит ему: «Излечи моего мужа, я дам тебе много золота». Турмэн же ответил ей, что ему золота не надо, пусть отдаст замуж ему одну из своих дочерей. Младшая дочь шурале была самая красивая, и Турмэн попросил в жены именно ее. Деваться некуда, мать дала согласие. Турмэн зашел туда, где лежал раненный им шурале, и убил его. Затем вернулся и сказал, что шурале спит, будить пока не надо. Забрав младшую дочь шурале, Турмен отправился вместе с ней к себе домой. После этого прожили они, говорят, счастливо долгие годы, имели множество детей. Вот от этих детей и пошла деревня, которую жители называли Турмэн в честь своего предка. Со временем название Турмэн исказили, и стала деревня называться Туркмен. Эта довольно большая башкирская деревня до сих пор существует в горах Иркендык в Баймакском районе Республики Башкортостан.

Легенда о Турмене и подобные ей другие башкирские материалы открывают новые и неожиданные возможности сопоставления их с индоиранскими и восточноиранскими материалами. Например, в нартском эпосе осетин говорится о том, как герой Сослан, увлекшись охотой, попадает в дальнюю таинственную страну Гуым (или Гум). Здесь он начинает преследовать чудесного золотого оленя (мотив в индоиранском фольклоре, предвещающий встречу со сверхъестественным существом). Сослан уже готов пустить стрелу в оленя, но его опережает стрела, пущенная неизвестным охотником. Этот загадочный персонаж («человек из Гуыма», «гумский человек») наделен богатырским ростом и огромной силой. После спора о том, кому принадлежит добыча, они по взаимному согласию делят ее [Васильков, 2010: 180].

Я. В. Васильков, исследуя индийские материалы («Кайраты») и сопоставляя их с нартскими осетин, пришел к выводу, что некая праформа этого сюжета охоты существовала уже в индоиранский период. В этом сюжете Я. В. Васильков видит отражение обряда инициации, когда «индивид вводится в число взрослых, брачноспособных членов племени, в круг воинов» [Васильков, 2010: 180–181].

На наш взгляд, башкирские материалы являются дополнительной иллюстрацией к индоиранским сюжетам. Здесь башкирские джигиты вначале также долго охотятся в горах, встречают оленя, но терпят поражение от некоего сверхъестественного суще-

ства, которое оказалось более проворным и первым подстрелило оленя. Однако в конце концов все же человек одерживает победу. В результате такого соперничества джигит берет в жены дочь своего противника, у них рождается множество детей, от которых берет начало тот или иной башкирский род.

Во всех приведенных выше случаях мы видим тотемические мифы. По мнению ряда исследователей, миф о брачном союзе смертного и неземного существа восходит к эпохе тотемической дуальной организации [Эрдман, 1991: 165–182]. Наличие параллелей между башкирскими преданиями, легендами о происхождении некоторых родовых подразделений от таких существ, как шурале, и осетинскими материалами можно объяснить участием в этногенезе этих народов древнего восточноиранского компонента, а также более древнего индоиранского субстрата.

По мнению большинства исследователей, формирование башкирского народа происходило на Южном Урале и прилегающих к нему землях на базе ираноязычных (саки, сармато-аланы) и различных тюркоязычных племен. Поэтому можно сказать, что принявшие участие в этногенезе башкир местные сакские, сарматские племена оставили след в духовной культуре башкир в виде такого персонажа, как шурале.

Таким образом, шурале был известен башкирам издревле, он достался им в наследство от их древних ираноязычных предков (саки, сармато-аланы и др.) как субстратное явление культуры от доисламского периода истории.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ахметьянов Р. Г. Мифологические образы Евразии в фольклоре народов Поволжья // Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1978. С. 10–16.

Ахметьянов Р. Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1981. 220 с.

Васильков Я. В. Миф, ритуал и история в «Махабхарате». СПб., 2010. 400 с.

Владыкина Т. Г., Панина Т. И. Образы лесных духов в удмуртской мифологии и фольклоре: II. Палэсмурт («половинный человек / человекообразное существо — половинка») // Ежегодник финно-угорских исследований. Вып. 4. Ижевск, 2015. С. 59–67.

Воробьев Н. И. Археологические и этнографические исследования в Татарской АССР летом 1946 года // Советская этнография. 1947. № 1. С. 206–209.

Гмелин И. Путешествие в Сибирь / перевод с нем. Д. Ф. Криворучко ; отв. ред. Е. В. Смирнов. Соликамск, 2012. 222 с.

Давлетбердин З. Рассказы моей бабушки // Киске Өфө. 2006. № 32 от 12–18 авг. (на башк. яз.).

Дандес А. Фольклор: семиотика и / или психоанализ : пер. с англ. М., 2003. 279 с.

Денисов П. В. Религиозные верования чуваш. Историко-этнографические очерки. Чебоксары, 1959. 408 с.

Золотая нить: (Миасс в легендах и преданиях) / сост. В. Усольцева. Миасс, 1994. 330 с.

Исламов И. Легенды моей деревни // Йэшлек. 2002 № 125 (на башк. яз.).

Йеттмар К. Религии Гиндукуша : пер. с нем. М., 1986. 505 с.

Калимуллин Б. Г. Башкирское народное зодчество. Уфа, 1978. 132 с.

Ласынова Н. А. Оронимия Юго-Восточного Башкортостана (лингв. анализ) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2004. 23 с.

- Миннигалиев Ш. Башкиры Аскинского района // Ватандаш. Уфа, 1998. № 1. С. 21–28.
- Надршина Ф. А. Память народа. Уфа, 1986. 188 с. (на башк. яз.).
- Нуриева А. В. Образ шурале в башкирских народных быличках (хурафати хикая) // Башкирская филология. История, современность, перспективы. Уфа, 2005. С. 345–349.
- Руденко С. И. Башкирские сказки и поверья // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1973. С. 17–31.
- Руденко С. И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М. ; Л., 1955. 392 с.
- Сулейманова М. Н. Доисламские верования и обряды башкир. Уфа, 2005. 146 с.
- Татарское народное творчество: Предания и легенды. Казань, 1987. 354 с. (на татар. яз.).
- Тулбаев М. Память родной земли. Уфа, 2005. 240 с. (на башк. яз.).
- Хисаметдинова Ф. Г., Шарипова З. Я. Термины башкирской демонологии // Советская тюркология. 1987. № 4. С. 46–51.
- Шамси С. С. Популярный образ татарской мифологии // Вопросы древнетатарского фольклора. Казань, 1984. С. 142–153 (на татар. яз.).
- Шестаков С. А., Петровых Ф. И. Материалы к топонимике Среднего Прикамья // Труды Камской археологической экспедиции. Ученые записки. № 191. Пермь, 1968. С. 133–135.
- Элиаде М. Священное и мирское: пер. с фр. М., 1994. 144 с.
- Эрдман В. Г. Мифологические мотивы в древнеиндийской классической драме // Востоковедение. № 428. Серия востоковедческих наук. Вып. 33. Л., 1991. С. 165–182.

REFERENCES

- Akhmet'yanov R. G. Mifologicheskie obrazy Evrazii v fol'klоре narodov Povolzh'ya [Mythological images of Eurasia in the folklore of the Volga region]. *Fol'klор narodov RSFSR* [Folklore of the peoples of the RSFSR]. Ufa, 1978. S. 10–16 (in Russian).
- Akhmet'yanov R. G. Obshhaya leksika dukhovnoj kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya [General vocabulary of spiritual culture of the peoples of the middle Volga region]. Moskva, 1981. 220 s. (in Russian).
- Vasil'kov YA. V. Mif, ritual i istoriya v "Makhabkharate" [Myth, ritual and story in the "Mahabharata"]. Sankt-Peterburg, 2010. 400 s. (in Russian).
- Vladykina T. G., Panina T. I. Obrazy lesnykh dukhov v udmurtskoj mifologii i fol'klоре: II. Palehmurt ("polovinnij chelovek/chelovekoobraznoe sushhestvo — polovinka") [Images of forest spirits in Udmurt mythology and folklore: II. Palesmurt ("half man/humanoid creature-half")]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric studies]. Vypusk 4. Izhevsk, 2015. S. 59–67 (in Russian).
- Vorob'ev N. I. Arkheologicheskie i etnograficheskie issledovaniya v Tatarskoj ASSR letom 1946 goda [Archaeological and ethnographic research in the Tatar ASSR in the summer of 1946]. *Sovetskaya etnografiya* [The Soviet Ethnography]. 1947. № 1. S. 206–209 (in Russian).
- Gmelin I. Puteshestviye v Sibir [Travel to Siberia]. *Perevod s nemetskogo D. F. Krivoruchko*. Otvetstvennyy redaktor E. V. Smirnov. Solikamsk, 2012. 222 s. (in Russian).
- Davletberdin Z. Rasskazy moej babushka [Stories from my grandmother]. Kiske Øfö [The Newspaper "Kiske candidate of science"]. 2006. № 32 ot 12–18 avgusta (in Bashkir).

Dandes A. Fol'klor: semiotika i/ili psikhoanaliz [Folklore: semiotics and / or psychoanalysis]. Perevod s anglijskogo yazyka. Moskva, 2003. 279 s. (in Russian).

Denisov P. V. Religioznye verovaniya chuvash. Istoriko-ethnograficheskie ocherki [The Religious beliefs of the Chuvash. Historical and ethnographic essays]. CHEboksary, 1959. 408 s. (in Russian).

Zolotaya nit': (Miass v legendakh i predaniyakh) [Golden thread: (Miass in legends)] / Miasskoe kraevedcheskoe obshchestvo. Sostavitel' V. Usol'tseva. Miass, 1994. 330 s. (in Russian).

Islamov I. Legendy moej derevni [Legends of my village] // Jeshlek [The Newspaper @ Jeshlek']. 2002. № 125 (in Bashkir).

Jettmar K. Religii Gindukusha [Religions of The Hindu Kush] / Perevod s nemetskogo yazyka. Moskva, 1986. 505 s. (in Russian).

Kalimullin B. G. Bashkirskoe narodnoe zodchestvo [Bashkir folk architecture]. Ufa, 1978. 132 s. (in Russian).

Lasynova N. A. Oronimiya Yugo-Vostochnogo Bashkortostana (Lingv. analiz) [Oronymy Of South-Eastern Bashkortostan (Lingua. analysis)] : avtoreferat ... kandidata filologicheskikh nauk. Ufa, 2004. 23 s. (in Russian).

Minnigaliev SH. Bashkiry Askinskogo rajona [Bashkirs askinskogo area]. *Vatandash* [Vatandash]. Ufa, 1998. № 1. S. 21–28 (in Russian).

Nadrshina F. A. Pamyat' naroda [The memory of the people]. Ufa, 1986. 188 s. (in Bashkir)

Nurieva A. V. Obraz shurale v bashkirskikh narodnykh bylichkakh (khurafati khikaya) [The Image of Shurale in Bashkir folk the true stories (khurafat Chica)]. *Bashkirskaya filologiya. Istoriya, sovremennost', perspektivy* [Bashkir Philology. History, modernity, prospects]. Ufa, 2005. S. 345–349 (in Russian).

Rudenko S. I. Bashkirskie skazki i pover'ya [Bashkir tales and beliefs]. *Arkheologiya i ethnografiya Bashkirii* [Archeology and Ethnography of Bashkiria]. Ufa, 1973. S. 17–31 (in Russian).

Rudenko S. I. Bashkiry. Istoriko-ethnograficheskie ocherki [Bashkirs. Historical and ethnographic essays]. Moskva ; Leningrad, 1955. 392 s. (in Russian).

Sulejmanova M. N. Doislamskie verovaniya i obryady bashkir [Pre-Islamic beliefs and rituals of Bashkirs]. Ufa, 2005. 146 s. (in Russian).

Tatarskoe narodnoe tvorchestvo: Predaniya i legendy [Tatar folk art: legends and Legends]. Kazan', 1987. 354 p. (in Tatar).

Tulebaev M. Pamyat' rodnoj zemli [The Memory of the native land]. Ufa, 2005. 240 p. (in Bashkir).

KHisametdinova F. G., SHaripova Z. YA. Terminy bashkirskoj demonologii [Terms of Bashkir demonology]. *Sovetskaya tyurkologiya* [Soviet Turkology]. 1987. № 4. S. 46–51 (in Russian).

SHamsi S. S. Populyarnyj obraz tatarskoj mifologii [Popular image of Tatar mythology]. *Voprosy drevnetatarskogo fol'klora* [Questions of ancient Tatar folklore]. Kazan', 1984. S. 142–153 (in Tatar).

SHestakov S. A., Petrovykh F. I. Materialy k toponimike Srednego Prikam'ya [Materials to the toponymy of the middle Kama region]. *Trudy Kamskoj arkheologicheskoy ehkspeditsii. Uchenye zapiski* [Proceedings of the Kama archaeological expedition. Scientific notes]. № 191. Perm', 1968. S. 133–135 (in Russian).

EHliade M. Svyashhennoe i mirskoe [The Sacred and the secular]. Perevod s frantsuzskogo yazyka. Moskva, 1994. 144 s. (in Russian).

EHrdman V. G. Mifologicheskie motivy v drevneindijskoj klassicheskoy drame [Mythological motifs in ancient Indian classical drama]. *Vostokovedenie* [Oriental Studies]. № 428. Seriya vostokovedcheskikh nauk. Vypusk 33. Leningrad, 1991. S.165–182 (in Russian).